

Заключительное слово докладчика

Благодарю всех за обсуждение. У меня есть одно методологическое замечание. Я социолог, для меня апелляции к социологическим авторитетам — к тому же Марксу или Веберу — означают обращение к соответствующему методологическому аппарату интерпретации социальных фактов, а не просто к именам. По сути дела, это обращение к методу. Предполагается, что участники дискуссии могут пометить себе, что надо посмотреть тот или иной моменту у того же Вебера, если их это интересует, или они уже знают, что Вебер на эту тему написал. Это не пустые формулы, это содержательные методологические уточнения.

Я не ставил перед собой задачу выстраивать новую концепцию. Это промежуточный результат долгого цикла исследований, которые я со своей научной группой веду в течение своей жизни. Вехи этого цикла воплощаются в моих книгах или в работах, выходящих под моей редакцией. Более 30 книг я издал и еще почти столько же наготове. Высказанные мною тезисы — это, если можно так выразиться, фрагмент из середины исследования. Поэтому доказательную базу или эмпирические примеры можно найти в других местах.

Больше всего релевантных материалов содержится в следующих подробных монографиях:

Дугин А. Абсолютная Родина. — М., 1998.

Дугин А. Геополитика постмодерна. — СПб., 2007.

Дугин А. Обществоведение для граждан Новой России. — М., 2007.

Дугин А. (под ред.) Основы Евразийства. — М., 2002.

Дугин А. Основы геополитики. 4-е изд. (дополненное). — М., 2000.

Дугин А. Проект «Евразия». — М., 2005.

Дугин А. Русская вещь. В 2-х т. — М., 2001.

Дугин А. Философия войны. — М., 2005.

Дугин А. Философия политики. — М., 2003.

Дугин А. Философия традиционализма. — М., 2002.

Дугин А. Эволюция парадигмальных оснований науки. — М., 2002.

Дугин А. Постфилософия. М. — 2009.

Дугин А. Радикальный субъект и его дубль. М. 2009.

Почти все эти книги в свободном доступе выложены в интернете на сайте Arcto.ru. Разным аспектам каждого термина, употребленного в докладе, нюансам значений посвящены сотни страниц, проведены десятки научных семинаров и дискуссий. Поэтому в этом коротком схематичном выступлении я изложил только самые основные соображения.

С.С. Сулакшин предложил поразмыслить на эту тему и выступить с докладом. Я серьезно отнесся к этой просьбе. Я хотел сделать так, чтобы максимально разгрузить свой доклад по времени и по количеству ссылок. Это — редукция целого концептуального здания, оставшегося за кадром. Это не просто упрощение, это гиперупрощение. Это схематизация. Иначе и быть не может, поскольку общей терминологической базы нет. Я пытался сразу ввести и пояснить основные термины.

Мне кажется, что кое у кого из вас есть странное, необоснованное и наивное представление, что реальность существует сама по себе, и существует ее более или менее адекватная интерпретация. Или иначе — есть строгие дисциплины, а есть нестрогие. Коллеги, так мыслили где-то в XVII — максимум в XIX вв. и в начале XX в. В XX в. понятие «реальность» давно осмыслено как чисто философский концепт. История — это всегда и только интерпретация. Фактов самих по себе, без интерпретации, просто нет. Факты есть только как концептуальные философские или научные обобщения. Это не постмодернизм, это классическая позиция современной науки, которая развивалась по собственной логике — вне угрюмой советской марксистской догматики с ее идиотскими ленинскими определениями (про «объективную реальность, данную ему в ощущениях»). Когда марксизм как обязательная идеологи-

ческая парадигма пал, от него остались вот эти «данные нам в ощущениях» призраки. Это как фантомная боль. Реальность — это фантомная боль. Я считаю, что это некорректно употреблять слово «реальность» в оппозиции интерпретации. Реальность — это *философский концепт*, не более того. Он разработан в определенном социологическом научном и историческом контексте. «Реальность» — это уже интерпретация. Здесь нет никакого «постмодернизма», просто апелляции к современной философии, без которых любой дискурс будет неполон, ущербен и, в конечном счете, irrelevantен.

Вот, С.Г. Кара-Мурза. Что он сказал по поводу доклада? Что это «конструкция» (по его мнению, полезная), но есть еще нечто «действительное», что менее понятно, более сложно, мало кого интересует, но оно-то, по его словам, и есть «оно самое». Это любезная критика. Но мне представляется, что она философски некорректна. Мол, здесь слова (интерпретации, схемы, концепты), а там, у самого Кара-Мурзы, надо полагать, не слова. Видимо — вещи, объекты, предметы. То, что существует *действительно*.

Считаться с этим вульгарным механистическим материализмом «а-ля XVIII век» еще имело бы смысл, пока существовала советская власть, способная репрессировать за несогласие с ее догмами. Если ты не верил в объективную реальность, данную нам в ощущениях, тебя могли, в худшем случае, увезти в «воронку». Но сегодня по такому поводу «воронков» не вызывают и поэтому, будьте любезны, осторожнее с этими бессмысленными и агрессивными пережитками про «реальность» и про «действительно».

Какие факты? Какая реальность? Давно уже большинство гносеологических философских методологий оперируют коннотативными теориями знака, а не денотативными. Когда я слышу, что мое выступление — это «теория», а «у нас, мол, четкое соответствие между концепциями и эмпирическими фактами», это просто странно, это — детский лепет. С таким «четким соответствием» после Витгенштейна и структура-

листов в XX в. нигде в мире школу закончить невозможно, не говоря уже о присуждении ученой степени.

Если мы хотим понимать, что делают люди, которые управляют миром, пытаются управлять нами, навязывают нам свои модели, мы просто не имеем права больше говорить о «реальности». Это надо забыть как недоразумение. Надо говорить о конструктах реальности, ее концептах, о соотношении реальности и виртуальности, о проектах и ресурсах и т. д. Вообще, концепт реальности непродуктивен, и в серьезных аудиториях этот термин произносят либо в шутку, либо как «метафору».

Теперь о другом. Было замечание по поводу системы и структуры. Точно так же. Существуют две методологические модели интерпретации социальных феноменов: первая — *структурная*, вторая — *системная*. Структурная исходит из того, что существуют языковые коннотативные константы, которые, конечно, меняются, как цивилизации и язык, но *очень медленно*. Так что это изменение в некотором приближении может быть взято за постоянство (откуда «циклы большой длительности» у Ф. Броделя). С постоянством языка контрастирует изменчивость дискурса. Смотрите, как медленно меняется язык, и как стремительно — речь. В этом смысле язык — константа. Структурный подход утверждает, что все значение речи содержится в языке. Что речь есть переменная, а язык — постоянная. Применительно к обществу это означает необходимость вычленив в нем блок констант, своего рода язык, определить его морфологию, грамматику, семантические закономерности. Общество мыслится здесь как язык (это его связь с цивилизацией) и как речь (это его конкретное выражение, темпорально фиксированное в определенных рамках).

Теперь, что такое системный подход? Он, кстати, лежит в основе синергетического метода, разработанного Пригожиным и его последователями. Система, в отличие от структуры, понятие изначально динамическое, изменяющееся. Смысл системы рождается из становления, поэтому Пригожин

стремится поместить время внутрь вещества, не вещество во время (как в классической механике), но наоборот — время в вещество. Ясно, что здесь константы становятся относительными, их как таковых нет. В социальном анализе это ведет к тому, на чем пытается настоять профессор Межуев на наших семинарах — к «хроно-политике», как он выражается, т. е. к такому анализу общества, когда политические смыслы рождаются из конкретики исторического момента, обеспечивая постоянную динамику. В таком подходе отрицаются первичность и неизменность языка, его парадигмальные свойства, его роль неизменной и живой матрицы смыслов.

Смысл в системном подходе рождается из совокупности дискурсов. Системный, системический подход заключается в том, что смысл того или иного явления вытекает из процессов. В системе все меняется, поэтому в системе не существует констант. Или они временные, условные.

Итак, есть два подхода к обществу — системный, разнообразностью которого является марксизм, и структурный. Со структурной точки зрения, религия, например, в обществе никуда не исчезает. Сама религия есть отражение неких констант, если угодно — бессознательного, или определенных языковых моделей, которые предопределяют и полностью конфигурируют то, с чем имеет дело общество, наука, человек и т. д. Человек, занимающийся наукой, мыслит в рамках этих языковых моделей, в их историческом контексте, в совокупности тех системных изменений, которые в свою очередь имеют под собой глубинные структуры. Ему кажется, что он сам по себе и он индивидуален (как дискурс), но он песчинка гигантского механизма семантических структур, о существовании которых он чаще всего даже не догадывается.

В российском научном сообществе, у архитекторов современных мыслей и смыслов, да и у менеджеров, занимающихся этим сегментом во власти, отсутствует представление о каких бы то ни было адекватных формах мышления, которые могли бы заместить собой закончившийся советский цикл.

Это не деталь, это диагноз. Это обстоятельство и блокирует заведомо всякую подлинную мысль в нашем обществе.

Было бы честнее признать, что мы имеем дело с хаосом методологий. Если бы просто каждый приходил и говорил на своем языке, попутно поясняя термины, а мы пытались бы схватить и перевести, это было бы еще ничего, не страшно. Но мы продолжаем играть в псевдоконсенсус в отношении «реальности». Вот, мол, «эмпирика», вот «реальность», а вот это только «так», придумано... И с этим детским лепетом мы пытаемся заниматься наукой и кого-то еще учить... Любой дремучий обыватель, делающий умозаключения на основании самых архаических, культурно-идиотских критериев, глубже и состоятельней таких пережитков советской школы. У него, по Шюцу и Маффессоли, все сходится (а если нет, он не расстраивается). Он как раз более адекватен, более феноменологичен, более концептуален, чем то научное сообщество, которое в постсоветском пространстве образовалось.

Я считаю, что важно разгрести эти заносы. В первую очередь, надо усвоить, что понятие «реальности» — это социальный концепт, который исторически какое-то время доминировал, казался само собой разумеющимся, давно выброшен на помойку.

Не только структуралисты, но и феноменологи, философы, лингвисты, философы науки им не пользуются. Даже такие либералы и сцинтисты, как Лакатос и Поппер, которые были защитниками научного метода, пришли к методу «фальсификационизма», т. е. преданию научной гипотезе статуса научности только тогда, когда ее можно опровергнуть. Тут С.Г. Кара-Мурза правильно меня понял: изложенную мной гипотезу нельзя опровергнуть, потому что она лежит в совершенно иной плоскости, нежели наивная вера в «реальность» и «факты». Она имеет отношение к социологии, политологии, структурализму, геополитике, коннотативной теории знака, к области мифа, в конце концов. Потому что ничего, кроме мифа — в широком смысле (Сорель, Барт, Дюран), — не существует.